

- [Аквилонов Е. П.](#)
-

Христианство и современные события

Вся Россия переживает страшное время великих испытаний. На Дальнем Востоке она ведет отчаянную борьбу с коварным и сильным внешним неприятелем, а внутри раздирается кровавыми смутами и мятежами со стороны своих домашних врагов. Подстрекаемые деятельными агитаторами, тысячи рабочих устраивают поголовные стачки и, подчас насильственно требуя себе увеличения платы, отказываются от своего труда; крестьяне волнуются под влиянием таких же «радетелей» народных благ и разгромом имений стараются возможно скорее усладить горечь своей жизни; учащаяся молодежь повсюду прибегла к решительным забастовкам и считает невозможным продолжение научных занятий; заволновались и наши далекие окраины, в которых, посредством политического террора, туземное население стремится отвоевать себе полную независимость от русского государства; только и слышно о том, как предательскими руками убийц там и здесь насильственно отымается жизнь у представителей государственной власти. Своей печальной действительностью наше отечество походит на того древнего страдальца, который, по особому Божию попущению, подвергся самым тяжким испытаниям, потерял свое богатое имущество, лишился самой дорогой утехи в земной жизни — своих детей и, наконец, пораженный проказой, в изгнании, за городом, оплакивал свою печальную судьбу.

Как во время какого-нибудь опустошительного пожара, все мы суетимся и мятемся в разные стороны, отчаянно бросаемся отыскивать подходящие средства с целью погасить бушующую стихию, негодуя друг на друга, подозрительно отыскиваем виноватых, клянем свой злополучный жребий, причем каждый считает себя несколько неповинным во всем происходящем, зато во всех других видит только врагов, — вот общее и, надо сказать, тяжкое впечатление, возникающее из переживаемых событий. А они несутся с поразительной скоростью одни за другими: как во время крепостной осады, день теперь нужно считать за месяц, отчего нам, разумеется, ничуть не легче.

Религия любви и мира — христианство теперь более, чем когда-либо, останавливает на себе вопросительные взоры чающих утехи и спасения от житейских невзгод. Назад тому две тысячи лет оно преобразовало мир: неужели теперь не поможет оно нам в родной беде? Неужели мы не обретем в нем сил к возрождению своей жизни? Или останется втуне ободрительное слово Того, Который обещал пребывать с нами *во вся дни до скончания века?* ([Мф.28:20](#)). Не Господь ли *повелевает морю и ветрам?* ([Мк.4:41](#); [Мф.8:27](#)). Не Он ли и теперь силен погасить пламя нашей взаимной братоубийственной вражды, вывести нас из огненной пытки и даровать полный мир и благоденствие русской православной державе? «Что же молчит наше духовенство?» — спрашивают одни, а другие уже мечут камни в православных пастырей, обвиняя их в преступном усыплении, в полном омирщении и в решительной неспособности продолжать свое спасительное служение. Настала пора для всех, кто только может, по чести и совести сказать другим слово совета и утешения в рассуждении текущей действительности. Исполняя свой нравственный долг перед церковью и русским обществом, мы, со своей стороны, решились выступить с настоящей статьей, может быть, не бесполезной особенно для тех, которые привыкли смотреть на христианство и церковь предубежденными глазами.

Итак, прежде всего, обратимся к временам древним и поищем в них полезных уроков для настоящего. История сохранила нам имя одного человека, который, собрав около себя

небольшое общество простых людей и соединив их верою в него, как в Бога, обратился к ним с такую речью: *вы будете мне свидетелями, даже до последних земли... Шедше, проповедуйте евангелие всей твари... Научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* ([Деян.1:8](#); [Мк.16:15](#); [Мф.28:19-20](#)).

Далекий от того, чтобы скрывать от них невероятные трудности, сопряженные с выполнением святой миссии, Он заранее предупредил их словами: *вот, Я посылаю вас, как овец посреди волков... Вы будете ненавидимы за имя Мое... Грядет час, в который всякий, кто только убьет вас, будет считать себя чрез то приносящим службу Богу* ([Мф.10:16, 22](#); [Ин.16:2](#)). Чуждый каких-либо иллюзий насчет подготовки Своих учеников к трудному служению, Он часто упрекал их в маловерии и в недостатке разумения законов, лежащих в основе Царствия Божия.

И Сей Человек, преданный одним из апостолов, отвергнутый другим из них и оставленный всеми в решительный час Своей жизни, окончил ее смертью на кресте. Тем не менее, до последнего возгласа и вздоха Он не обнаружил даже и тени беспокойства насчет будущей участи Своего дела. Он твердо верил, вопреки всему, в несомненный успех евангельской проповеди. Не дальше, как еще накануне Своих страданий, Господь ободрял Своих учеников, с такой непоколебимостью предвозвещая плоды благовестия, что, казалось, Он уже любовался их благословенною красой.

Что, спрашивается, можно думать о таком человеке? «Мне кажется, если мы поставим себя на место «мудрецов» Его времени, например, Гамалиила, то естественным приговором всему проповедническому предприятию будет только одно: или этот человек — безумец, и, в таком случае, Его дело рухнет самым плачевным образом; или же, если, паче чаяния, оно удастся, то самый успех послужит наилучшим доказательством того, что мнимый безумец хорошо знал, что говорил и что делал; что Его необычайно поразительные утверждения являются сущей правдой, и Сам Он представляет Собой то, именно, Лицо, каким и выдавал Себя, то есть, что Он есть, подлинно, Единородный Сын Божий, пред Которым должно преклониться *всяко колена небесных, и земных, и преисподних* ([Флп.2:10](#)). С той поры протекло вот уже восемнадцать веков: не пора ли отсюда вывести известное заключение?» (*Berthoud, Apologie du christianisme. — Laus. — Paris. 1898, p. 628 sqq.*).

Откроем евангелие и посмотрим, как оно выступало на борьбу с языческим миром. Спрашивается, что прежде всего бросается в глаза на заре христианства? Всякий внимательный исследователь более всего изумляется той необыкновенной быстроте, с какой христианство распространилось на Востоке и оттуда — по всем провинциям Римской империи. Довольно значительные общины верующих были основаны в большинстве тогдашних языческих центров, как, например, в Антиохии и, даже, в Риме, прежде чем ап. Павел пришел туда со своим благовестием. Отправляя свое послание к Римлянам, апостол порицает неизвинительное неверие иудеев, ссылаясь на то, что евангельская проповедь уже достигла до их слуха. *Спрашиваю, — пишет св. апостол, — разве они не слышали? Напротив, по всей земле пронесся голос их, и до пределов вселенной слова их* ([Рим.10:18](#)).

Таким образом, спустя четверть века после Христовых страданий, неутомимый благовестник свидетельствует о том, что евангелие распространилось во всех частях тогда известного мира и, в частности, проникло в те города, в которых процветали иудейские колонии. Христиане, насколько известно, представляли там собой ничтожное меньшинство, а церкви их находились одна от другой в значительных расстояниях. Однако, с постепенным развитием своей просветительно-благотворительной деятельности, дотоле отдаленные друг от друга, церкви стали образовывать из себя все более и более сгущавшуюся сеть, пока, наконец, вся греко-римская империя не оказалась связанной её крепкими узлами.

Еще не окончился второй век, как Тертуллиан в своем «Апологетике» уже обращается ко всем власть имущим, со следующими, дышащими непоколебимым убеждением в окончательном торжестве христианства над язычеством, словами: «Мы — вчерашние и, однако же, все наполняем: ваши города, острова, укрепления, муниципии, общественные собрания, самые лагеря, трибы, декурии, двор, сенат, форум» (с. 37). «Совершенно нет ни одного народа, — несколько ранее писал св. Иустин мученик († 163 — 167), — варваров, или эллинов, или каким-либо другим именем называемых, кочующих, или бездомных, или ведущих пастушеский образ жизни, или живущих в палатах, между которыми не приносились бы молитвы и благодарения Отцу и Творцу всего именем распятого Иисуса» (Dial. с. Tryph. с., 117, по рус. пер. изд. прот. П. Преображенск. М. 1892, стр. 320).

В продолжение ещё некоторого периода времени, а именно до воцарения Константина Великого, неослабно происходило столь же быстрое распространение новой веры, вопреки всем препятствиям, пока, наконец, этот император не объявил христианство государственной религией. Итак, потребовалось только три века для общепризнанного торжества евангелия над греко-римским язычеством. Неудавшаяся реакция со стороны Юлиана неопровержимо подтвердила бесповоротность указанного торжества.

Чем же и как объяснить это необыкновенно быстрое распространение христианства? Некоторые возражают, что «полумесяц» в этом отношении нисколько не уступает «кресту», и что завоевания под его бледным светом происходили еще скорее, по сравнению с христианскими. Приведенная ссылка, пожалуй, имела бы относительное значение в том случае, если бы упомянутые религии вышли в свет одинаково вооруженными. Но кому неизвестно, что ислам прибегал не столько к словесной проповеди для своего распространения, сколько к другим, более «действительным» средствам? С самого открытия мусульманской эры, датируемого 622 годом, Мохаммед завещал своим сподвижникам насильственную пропаганду ислама. «Сражайтесь на пути Божиим с теми, которые сражаются с вами; но не будьте несправедливы, потому что Бог не любит несправедливых. Убивайте их, где их застигнете. Сражайтесь с ними дотол, пока не будет уже вам искушения, и покуда не установится ваше поклонение Богу» (Коран, в рус. перев. Г. Саблукова. Казань. 1894. Гл. II, стр. 27 — 28). Такова заповедь Мохаммеда, исполнить которую можно было только посредством огня и меча. Практические последствия её обнаружили уже со второго года «гидржы», после того, как одной кровавой битвой обеспечилась победа за исламом. Не подлежит сомнению, что, с целью сколько-нибудь ослабить боевой пыл своих сподвижников, Мохаммед запретил им войну в течение четырех месяцев. Эти «священные месяцы», по справедливому, мнению защитников ислама, были хорошим средством против непрерывных войн. Но уже из самого ограничения последних только четырьмя месяцами следует полное разрешение правоверным, без всяких колебаний, вести войны в продолжение оставшихся восьми месяцев в году. Насколько сумели мусульмане использовать такое разрешение, — это достаточно известно из всего исторического прошлого ислама даже до наших дней. Удивительно ли, что религия, предьявляющая каждому выбор одного из двух: или Коран, или смерть, вскоре получила права гражданства в покоренных ей странах?

Напрасно стали бы нам возражать ссылкой на печальные факты преследования сектантов и еретиков со стороны господствующих церквей, свидетельствующие о фанатизме христианства нисколько не меньшем по сравнению с мусульманским. Не отрицаем, что, действительно, чуть не поголовное истребление альбигойцев, гугенотов, инквизиционные костры и пытки, ссылки в рудники и заточения, всякие издевательства и грубое попрание свободы совести — являются темным пятном в истории христианской церкви. Но вот что необходимо иметь в виду при изъяснении взятых фактов: они совершились спустя значительное время после появления в мире

христианства и, что еще важнее, не только не имеют его своей производящей причиной, а, наоборот, находятся в диаметральной противоречии с его коренными основами. Христос, как известно, повелел Своему апостолу *вложить меч в ножны* ([Мф.26:52](#)), — и Его ли вина, что высокопоставленные представители церкви опять изъяли из ножен этот меч и разили им своих противников «*ad majorem Dei gloriam*» («к вящей славе Божией» — *лат.*)? Мы знаем, что сказал Господь апостолам Иакову и Иоанну, просившим у Него позволения низвести огонь с неба, чтобы попалить то самарянское селение, жители которого не приняли Его: *не знаете, какого вы духа* ([Лк.9:55](#)).

Но после того, как, в день пятидесятницы, апостолы *крестились духом Святым* ([Деян.1:5, 2:1-4](#)), они поняли слова своего Учителя и верно пошли по стопам Его. В своих посланиях они постоянно увещали верующих к *покорности высшим властям: ибо нет власти не от Бога* ([Рим.13:1](#)), — платить подати и подчиняться действующим законам, чтобы заградить клеветнические уста противников своим безупречным поведением: *ибо такова Божья воля, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божию* ([1Пет.2:15-16](#)). Даже, в самые черные дни первенствующая церковь не изменяла этим святым началам. А между тем, как легко было, — судя по-человечески, — и как выгодно было ей проповедовать угнетенным и гонимым христианам самое отчаянное сопротивление языческим властям; как своевременным казалось сеять в надорванных мучениями душах смуту и возбуждать особенно чернь к ниспровержению существующих установлений и порядков! Однако, история свидетельствует о противном: гонимые защищали свои священные права словами убеждения и веры, многочисленными «апологиями» и, что особенно важно, своей кротостью и неистощимым терпением даже во время жесточайших страданий: мученикам и в голову не приходила мысль о репрессалиях!

Свидетель кровавых гонений Тертуллиан, пишет о том, как гонимые «молились о преследовавшем их императоре» и просили для него у Бога «долгой жизни, победоносного воинства и мира в мире». По словам одного первоклассного историка (M. Gaston Boissier: «La fin du paganisme», 2-e édit., tome II, p. 347. Paris, Hachette), «невозможно представить ни одного доказательства в пользу того, когда бы христиане проявили хоть малейшую попытку к отмене тех учреждений, от которых приходилось им так много терпеть... Начиная от Нерона и до Константина, многократно происходили политические заговоры: и, однако, ни в одном из них никогда не участвовали христиане».

Итак, с мирской точки зрения, христианская религия имела все шансы только против себя: неумолимую жестокость со стороны языческого государства, ревнивый консерватизм печальников прошлого, темные народные суеверия, привилегии официального культа, распаленный фанатизм с ненавистью всех эксплуататоров, для которых было выгодно продолжение всевозможных злоупотреблений, и, в довершение всех зол, напыщенное презрение со стороны ученых философов, всей душой ненавидевших новую веру, имевшую, как им казалось, иудейское происхождение и заповедавшую поклонение Распятому! Рассматриваемые в отношении земных выгод, верующие, по-видимому, должны были все потерять и ничего не получить. Послушаем, как рассуждает об этом заклятый противник христианства, философ Цельс: «появилось новое поколение людей без отечества, без древних преданий, сплотившееся против всех гражданских и религиозных установлений, преследуемое правосудием, опозоренное всеобщим бесчестьем и полагавшее свою славу в посылаемом ему отовсюду проклятии: таковы христиане!»...

На какую же будущность, на какое к себе отношение со стороны света могла рассчитывать религия, о которой, даже, передовые языческие мыслители говорили таким образом? Но, кроме того, христианство имело еще против себя бесподобно высокую чистоту нравственности, требуя

от своих последователей святой жизни и всецелой преданности Богу: не то ли особенно антипатично человеку, как решительно порвать всякую связь с грехом, отречься от своих страстей и на веки похоронить свой эгоизм? И, тем не менее, в этом-то последнем и состояла намеченная христианством цель, здесь заключалось предьявленное последним ко всем верующим условие полного оздоровления государства и устройства его на новых, незыблемых основах. «Социальная реформа», о которой так много говорят, особенно в наши дни, осуществить которую стремились столько всевозможных систем, но, к своему бесчестию, не осуществили, — эту реформу, в собственном смысле реформацию, перерождение всего мира, совершило одно христианство, не стремясь непосредственно к этой именно цели. Оно покорило мир духовным оружием. Оно обновило его своим благотворным воздействием на человеческие души. Ему принадлежит заслуга — из людей всяких племен и состояний создать славных героев духа, соединенных между собой такими крепкими узами взаимной любви и братства, что, восхищенные бесподобной жизнью членов первенствующей церкви, язычники могли только восклицать: «смотрите, как они друг друга любят!» *Возлюбленные мои*, — обращается апостол к филиппийцам ([Флп.2:12-15](#)), — *со страхом и трепетом совершайте свое спасение. Все творите без ропота и сомнения, чтобы вам быть безукоризненными и чистыми чадами Божьими, непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете подобно светилам в мире.* На больные души воздействовало христианство, обновило человеческие сердца, эти источники жизни ([Притч.4:23](#)), — вот в чем разгадка благодатного мирообновления со стороны христианства, вот где тайна перерождения людей! И, действительно, новая вера совершенно возродила семейную жизнь, возвысила женщину, порвала оковы рабства, уничтожила гладиаторские побоища, не говоря ни одного слова ни об «эмансипации женщин», ни об уничтожении рабства, ни об отмене цирковых зрелищ...

Историк стоит здесь лицом к лицу с беспримерным явлением; он видит пред собой систему, восстанавливающую «*droits de l'homme*» («права человека» — *фр.*) неуклонным утверждением прав Божьих, производящую чисто моральными средствами новый порядок вещей, гарантирующий каждой личности свободное развитие её сил и способностей и тем обуславливающий всеобщее благополучие. Да, здесь воочию всех предстоит религия, вопреки всяких преследований и смертных приговоров, торжествующая над своими могущественными противниками, *потому что немудрое Божие мудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков. Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное избрал Бог, и не сущее, чтобы упразднить сущее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* ([1Кор.1:25-29](#)). И если уже в этом не видеть дело Божие, то какое же еще требуется доказательство Творческого всемогущества? В таком случае, *если бы кто и из мертвых воскрес, — не поверят* ([Лк.16:31](#)).

Наш век в особенности требует фактов и документов. Их можно представить, сколько угодно, и мы только затрудняемся обилием материалов, для которых окажется мало места в настоящей статье. Наши современники, подчас обращающие свое завистливое око к древнеримскому язычеству, едва ли даже и подозревают все то, чем мы обязаны христианству: так, к сожалению, они далеки от него и так слабо проникнуты его животворными началами. А между тем, все доброе в семейной и в общественной жизни глубоко коренится в христианской вере. «Не представляется ли невозможным, — спрашивает вышеупомянутый историк, — что во времена Цезарей и Антонинов, в самом расцвете гуманности и цивилизации, считали совсем заурядным явлением, что какой-либо отец полагал своего ребенка на пороге своего дома и здесь оставлял его на голодную и холодную смерть, если не хотел его воспитывать? Такой обычай продолжался до времен Константина, причем ни один честный человек не проникался негодованием, и даже сам Сенека, по-видимому, не поражался этим» (см. вышеуказ. соч. стр.

Как же именно христианство относилось к такого рода общественной несправедливости? Какими средствами удалось ему побороть, например, рабство и пауперизм? По выше сказанному, победа христианства зависела от того, что оно апеллировало к человеческой совести и тем переродило зачерствелые сердца... В общем все это так; но интересно знать и подробнее процесс оздоровления одряхлевшего мира, и применения к этому средству. Чтобы правильно оценить значение христианства в этом деле, необходимо представить себе то, в каком состоянии оно застало древний мир.

Страшную картину разращения и постоянно возрастающего разложения представляет нам язычество, особенно в том состоянии, до которого ниспало оно в период Римской Империи. Тогда как некоторые мыслители, например, Цицерон и Сенека, возвышались до понятия Единого Верховного Существа, — для простого народа, для общества, Бог оставался почти неизвестен, что и было выражено на фронте одного афинского храма: *неведомому Богу (Деян.17:23)*. Везде господствовало, повсюду поражало взоры, наполняло воображение, составляло постоянную основу жизни от колыбели до могилы — идолослужение со всеми своими принадлежностями — с обожанием страстей и, подчас, самых грубых животных инстинктов. Языческое богослужение по необходимости соответствовало свойствам и характеру самих богов. Оно состояло в самых постыдных и гнуснейших обрядах: любодееяние и пьянство были составными частями богослужения Венере и Бахусу. По словам Страбона, Коринфский храм Венеры отличался невероятным богатством, и при нем находилось более тысячи лиц женского пола, общественных жриц и рабынь: все они были принесены в дар богине почитателями её обоих полов. «Они-то, — пишет он, — и влекли так сильно в Коринф и обогатили его» (см. «Размышления о божественности христианской религии», О. Николая. перев. с фр. Тамб. 1866. Т. I, стр. 222). Каждый обращал для себя в божество неудержимое насилие собственной страсти: *sua cuique deus dira cupido* («всякому горячее желание — божество» — *лат.*).

Каковы же должны были образоваться нравы и обычаи под влиянием такого богопочитания и такого богослужения, которое всецело проникало в жизнь общественную, семейную и личную? Более двух третей образованнейших стран земли были проданы в рабство и употреблялись единственно на то, чтобы служить чувственности остальной трети. Одно уже это свидетельствует о презрении человека человеком же, о чрезмерной силе эгоизма и разврата, естественно проистекавших из религиозной лжи. Господа имели неограниченную власть над рабами, могли по произволу нещадно бить их и даже предавать смертной казни. «Если ты приказываешь поднять на крест раба, — читаем в сатире Горация (1 Sat. III), — за то, что он, подавая блюдо, отведал немного соуса, или надрезанной рыбы, то не глупее ли ты, в этом случае, Лабедона?» Ведий Поллион, друг Августа, содержал огромное число мурен (род угрей), для откармливания которых приказывал бросать своих рабов (Plin. lib. LX, с. XXXIX). Сенатор К. Фламиний приказал умертвить одного из своих рабов без всякой другой причины, кроме той, чтобы новизной зрелища потешить одного из своих угодников, не видавшего, как убивают человека (Plut. Vita Q. Flamin.). Если глава семейства был убит в своем доме, и не удалось открыть убийцу, то все его рабы подлежали смертной казни. И в особенности следует заметить, что все эти возмутительные насилия, которым с трудом верится, в то время считались прямым выражением естественного права. Законодательство первое произнесло против рабов жестокий приговор: *non tam viles, quam nulli sunt* («незначительны, как ничто» — *лат.*).

Обратим еще внимание на этот языческий мир и не погнушаемся проникнуть в глубину той его раны, которую представляют собой гладиаторские бои. К разряду гладиаторов причислялись пленники, рабы, преступники, осужденные на смертную казнь. Их особым образом

воспитывали и приготавливали к предстоящей им ужасной участи и потом целыми тысячами загоняли, как на бойню, в огромный амфитеатр, где они принуждены были сражаться одни с другими и убивать друг друга для потехи граждан всякого звания, состояния и пола. Эти кровавые зрелища, по исчислению Липсия, поглощали иногда двадцать и тридцать тысяч несчастных в продолжение одного месяца. Весь Рим стремился к этим боям, находя в них величайшее удовольствие. Тут не было места никакому состраданию. Раскаленным железом и ударами бичей принуждали сражаться до смерти тех гладиаторов, которые умели защищаться от меча. Когда же истекающий кровью гладиатор, в бессилии, падал на землю, отказываясь продолжать борьбу, — тысячи рук протягивались с указанием добить его, и если он просил пощады, то самым младшим из римских женщин предоставлялось удовольствие отказать несчастному в его просьбе, и они жестами подавали знак умертвить его. По рассказам Сенеки, римский народ был до того ненасытен в отношении этой страшной смертельной резни, что гладиаторы, утром уцелевшие от пасти и когтей диких зверей, должны были пополудни снова выходить на бой, но уже без всякого оружия для своей защиты, чтобы доставить бесчеловечное удовольствие зрителям большим количеством смертельных ран и множеством умирающих. И все эти отвратительнейшие мерзости смертоубийства соединялись с утонченной разборчивостью, с крайним великолепием и наслаждением, достойным всякого презрения. Звуки великолепного оркестра из тысячи музыкальных инструментов смешивались с воплями и стонами амфитеатра. Пурпуровые, шитые золотом, покровы были растянуты над головами зрителей для защиты их от палящих солнечных лучей. Молодые, красивые рабы подходили к каждому из убитых гладиаторов и граблями расчищали окровавленный песок. Посредством искусно проведенных труб воздух насыщался всякими благовониями и смягчал острый запах крови. Мозаические картины, статуи, барельефы и набожные изделия из драгоценных мраморов изяществом и разнообразием очаровывали взор публики, а под сводами амфитеатра, под вывеской, изображавшею бесстыдную эмблему, находился будуар развратных женщин, со стороны окровавленной арены и наваленных трупов.

И что замечательно, такие бесчеловечные удовольствия были свойственны не каким-либо двум-трем чудовищам вроде Нерона или Калигулы; нет, им с одинаковым неистовством предавались и самые кроткие государи, даже такие, которые заслужили себе название «утешения рода человеческого». Целое общество требовало, чтобы ему открывали эти бои, с такой же алчностью, с какой оно старалось ежедневно добывать себе насущный хлеб. *Panem et circenses!* («Хлеба и зрелищ!» — *лат.*) — вот обыкновенный рев кровожадной толпы (Juven. Sat. X). Роскошно празднуя одержанные над Дакийцами победы, Траян устроил гладиаторские зрелища, непрерывно продолжавшиеся сто шестьдесят дней, причем было растерзано и убито десять тысяч гладиаторов и одиннадцать тысяч диких зверей. Знаменитый натурфилософ, Плиний младший, в написанном по этому случаю панегирике в честь Траяна не проронил ни одного слова сожаления о погибших жертвах, зато превозносит справедливость и человеколюбие прославленного им героя. В чем же проявились добрые качества последнего? Да в том, что он не приказывал схватывать из среды зрителей и бросать на арену новые жертвы и тем не увеличил и без того чудовищное людоедство. Калигула в этом отношении был решительнее: однажды, когда не доставало гладиаторов пред расвирепевшими зверьми, он повелел первых, попавшихся ему на глаза, зрителей схватить, отрезать им языки, чтоб несчастные не могли вопить о пощаде, и бросить их зверям (Tacit. Annal. Lib. VII, supplem. 29). Описываемые нравы казались современникам настолько естественными, что даже и сами жертвы приготавливались к своей жестокой участи с какой-то тупой и бессмысленной покорностью судьбе. Они как бы уже потеряли сознание своего права на жизнь. Расторгающая все житейские связи, смерть ничего не значила для них по сравнению с невыносимым рабством.

Даже и её мрачная сень не была для них убежищем свободы. Чело, которое она готова была осенить, униженно повергалось в прах, чтобы в последний раз воздать благоговейное поклонение Богу — Римскому Кесарю: «Ave, Caesar, morituri te salutant!» («Да здравствует Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» — *лат.*) — с такими словами готовились бойцы к переходу в лучший мир.

Кажется, нет никакой возможности представить себе что-либо более возмутительное и более принижающее человеческое достоинство, чем сколько свидетельствует об этом сама, с фотографическою верностью воспроизводящая одну из потрясающих сцен языческого мира, мрачная картина. Достаточно только воскресить ее в своем воображении, чтобы видеть весь ужас положения, в котором находилось дохристианское язычество и с тем большей радостью приветствовать рождество Спасителя, «показавшаго нам свет».

Впрочем, некоторые не разделяют такого приветствия, упрекая христианство за то, что оно никаким «формальным предписанием» не осудило рабства. Но в чем, по мнению возражателей, состоит недостаток рассматриваемой религии, то, как будет показано ниже, и составляет его великое достоинство. Потому именно и чужды христианству всевозможные насильственные меры, что оно неудержимо стремится к прогрессу в смысле органического развития жизни. Христианская вера решительно не могла заниматься вопросом о таких мерах, без опасности покинуть предоставленную ей религиозную область и снизойти на политическое поприще. В противном же случае, христианство только распалило бы междоусобную войну, привело бы к страшным кровопролитиям, может быть, перевернуло бы целый мир, сделало бы, что хотите, но только не исполнило бы самого главного: благодетельного преобразования, или, точнее, перерождения мира. В том, именно, и состоит основное заблуждение человеческих реформ, что они проводятся в жизнь системами, по которым причина всех зол находится *во вне* и излечивается так же одними *внешними* средствами. Евангелие поступает наоборот и смотрит на дело несравненно правильнее. Исходя из того неоспоримого положения, что из зараженного источника всегда будет проистекать зараженный поток, оно обращается непосредственно к самим человеческим личностям с увещанием: прежде, чем добиться внешней свободы, будьте свободны *внутри* себя самих! Решительно отрицающее всякий деспотизм, Евангелие говорит только об одном иге, от которого необходимо, во что бы ни стало, освободиться, которое непременно требуется свергнуть, и которое, в свою очередь, повлечет за собою отмену всякого рабства, — это иго — *грех: истинно, истинно говорю вам*, — таковы слова Самого Спасителя, — *всякий, творяй грех, есть раб греха; но если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* ([Ин.8:34-36](#)).

Однажды ап. Павел встретил в Риме одного беглого раба, по имени Онисима. Онисим — это один из бесчисленного множества несчастных невольников, и такого-то именно апостол встречает в темнице. Кто не слышал об апостоле Павле! Что это за могучая и несокрушимая по кипящей энергии личность! Фарисей и сын фарисея, наделенный от природы стремительным темпераментом страстный *ревнитель отеческих преданий* и, до своего обращения неутомимый гонитель хр. церкви. Впервые упоминает о нем книга «Деяний» по поводу мученической кончины Стефана ([Деян.9](#)). Пока еще юный для того, чтобы исполнять обязанности взрослых, *дышащий убийством* Савл только хранит одежды избивателей. И вот, спустя несколько лет, сошлись лицом к лицу беглый невольник и теперь уже престарелый апостол. Что же скажут они друг другу? Что стали бы они делать в том случае, если бы христианство не возвещалось в мире? Воспользуется ли апостол настоящим случаем в интересах прокламирования «бессмертных принципов 89 года»? Решится ли он, по собственному почину, провозглашать ту простую истину, что его новый ученик имеет полное право на свободу, и насильственно требовать от рабовладельца свободы бежавшему Онисиму, — требовать её немедленно и «по всей форме»?

Интересующиеся взятым вопросом благоволят прочитать «Послание св. апостола Павла к Филимону», и они легко убедятся, как в необыкновенном благорасположении и деликатности, с которыми апостол в этом коротеньком «письме» обращается к колосскому гражданину, так и в том, насколько, проникнутое истинно христианскою любовью, поведение апостола является чрезвычайно благородным, корректным и наиболее целесообразным. Как и кто бы ни противился признанию поразительных чудес,— он мысленно, в этой римской тюрьме, присутствует при совершении благодатного чуда, потому что видит пред собой этого самого фарисея, но уже перерожденным, пролившим столько братского участия к своему несчастному сотоварищу, настолько проникнутым печальной участью последнего, как никто другой даже из лучших людей того времени: мы знаем, как эти «лучшие», включая сюда и философов, смотрели на рабов. А между тем, апостол в этом отверженце открывает бессмертную душу; Павел наставляет Онисима в христианской вере, воспитывает его для небесного царствия, проливает на своего ученика столько бескорыстной любви, что называет его своим братом, возлюбленным братом; больше того, называет его сыном своим, *рожденным в узах*, и, как бы еще недовольный даже и такими нежными обращениями, соединяется с ним своей душою, потому что просит Филимона принять Онисима, как мое — т. е. апостола, — *сердце*.

В самом деле, не чудо ли пред нами? В противном случае, пусть объяснят нам происшедшее одними естественными данными. Пусть нам укажут, откуда именно в сердце этого иудея, соотечественников которого Тацит называет «врагами рода человеческого», пролилось столько чисто благодатной силы, этой животворной любви? Христиане легко решают вопрос: Сам Христос, всех искупивший Своею кровью, соединил одной любовью и фарисея и раба, призывая их на отверстое небо. Сам Христос нарек их наследниками одной и той же веры и надежды. Здесь находился Сам Спаситель, пред Которым, для общего благословения, преклоняют свои колена и раб, и апостол в темнице, обратившейся теперь в хр. святилище. И вот, сошедшиеся узники празднуют в нем *общение святых*; они образуют собой христианскую семью искупленных из всякаго колена, под царственным скипетром Самого Царя мира ([Лк.19:38](#); [Ин.12:15](#)). «Встань же, Онисим, и возьми обратно свои оковы! Иди, если хочешь, опять страдать и служить; на своем челе ты носишь ореол и в сердце — такое воспоминание, которое ничем не изгладится... Здесь, в этой темнице, нашелся человек, нарекший тебя своим братом и возродивший тебя к вечной жизни. Простертые руки его готовы обнять тебя, и его сердце бьется созвучно с твоим собственным. Иди же в мир с новым благовестием этой необыкновенной любви, открой пред его, утопающими в плотском рабстве, деспотами, душу, освободившуюся от тления и греха; исполни, бедный невольник, ожидающую тебя великую миссию!» (Eugène Bersier, Sermons choisis. Paris. 1891, p. 235).

Так, находившийся в узах апостол открыл высокое нравственное достоинство человека. Мало того, что он здесь воссоздал человека из презренного раба, но еще другим чудом он переродил сердце его для самой возвышенной любви... Он заповедал Онисиму любить своего господина и дал силы одержать над собой наиболее славную победу, наставляя этого раба служить с любовью.

Может быть, современные «социологи», — находясь они здесь, — приветствовали бы возвращенную невольнику нравственную свободу, если только правильно поняли бы её ([2Кор.3:17](#)), но, со своей стороны, едва ли воздержались бы от революционной пропаганды, представляющейся многим какой-то панацеей от всех общественных бед и скорбей. Ведь так часто упрекают христианство за немощность его учения! Это, говорят, — религия изнеженных и слабовольных последователей, не имеющая в себе сил разбить оковы рабства и мгновенно возвысить угнетенных. Но, повторяем, в том, где противники её видят религиозную немощь, там-то и находится залог той благодатной энергии, которая совершенно недоступна человеку в

естественном его состоянии. Люди слепо уповают на грубую силу, особенно грозно проявляющуюся в бурных революционных движениях, и упорно не хотят заметить ее в удивительном и поистине только христианском терпении, обезоруживавшем даже самых кровожадных палачей. И если кому, то преимущественно таким поборникам веры и правды, к числу которых несомненно принадлежал и апостол, особенно ярко бросалась в глаза поразительная дисгармония в современной жизни. Не в апостольском ли послании ([Рим.1:29-32](#)) читается о язычниках, которые исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы? И кто знает, может быть, не один раз и к апостолам, как некогда к Самому Господу, приступал коварный искуситель с своими недобрыми советами — поклониться ему и, с помощью меча, обращать погибавший от всякого насилия мир, обращать, разумеется, в сторону, подальше от Искупителя? ([2Кор.12:8-9](#)). Так, ведь, просто обнажить меч и разить им своих врагов. Но с той знаменательной ночи, когда пламенный ученик Христов хотел употребить меч в защиту своего Учителя ([Мф.26:51-52](#)), христианство ни разу не прибегало к насилию, к несчастью, ставшему уделом одних только непросвещенных ревнителей человеческого равенства и свободы. Да, как ни горько было лучшим благовестникам христианской веры смотреть на лежащий во зле мир ([1Ин.5:19](#)), они боролись с последним только одним духовным оружием и, благодаря этому верному средству, достигали спасительной цели. Но что вышло бы в случае употребления ими так называемых «решительных», или «радикальных» средств,— об этом страшно и подумать! Представим себе, что апостол предложил бы своему союзнику, вместо евангельской проповеди, зажигательную, в роде современных «прокламаций», речь, возбуждающую к грабежам и убийствам, к «забастовкам» и к неповиновению властям; допустим, что и другие многочисленные Онисимы были бы насыщены таким же революционным духом: — разумеется, мгновенно вспыхнула бы страшная междоусобная война. Римский кесарь был бы низвергнут с высоты своего трона; потоками полилась бы кровь жрецов и патрициев; зависть и месть совершали бы свое разрушительное дело, и, в конце концов, древний мир низринул бы в бездну неопикуемых злодеяний. Но пусть так: может быть, столь дорогой ценой окупилось бы общее счастье? Может быть, между людей породилось бы задушевное братство? К сожалению, ничего такого не произошло бы. Из ненависти происходит только одна ненависть, и кровь взывает только к кровавой же мести: *ибо все, взявшие меч, мечем, и погибнут* ([Мф.26:52](#)). Не такова христианская реформа. Евангелие стремится даровать человечеству другую жизнь, и эта последняя проистекает из торжествующей над ненавистью любви, из побеждающего грубое насилие возрожденного духа, как об этом и поведал Своим ученикам Сам Господь словами: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам* ([Ин.14:27](#)). Как небо отстоит от земли, так и Его, Христов, мир бесконечно превышает всякий, проповедуемый на этом свете, мир. О, если бы только приумножилось число истинных миротворцев! Совсем бы не узнать было вселенной!

Теперь рассмотрим подробнее, в том же послании, как апостол относится к потерпевшему рабовладельцу. Прежде всего, нельзя равнодушно пройти мимо той заботливости, которой так проникнут ап. Павел, изыскивая все средства, только бы расположить Филимона в пользу бежавшего раба. Филимон состоял в числе влиятельных членов колосской церкви. И вот, автор послания апеллирует к его христианской совести и к его, известной всем братьям, любви, пишет с непоколебимой уверенностью в том, что адресат его послания сделает даже больше просимого. Достаточно обратиться к самому тексту послания, чтобы видеть необыкновенную деликатность, с какой апостол открывает свою волю, избегая всякого принуждения. *Имея*

великое во Христе дерзновение приказывать тебе, что должно, по любви лучше прошу, не иной кто, как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа ([Флм.1:8-9](#)). Состарившийся апостол — и узник за Христа! Великий благовестник, полагавший свою душу на евангельское служение, прославленный по всему миру и, однако, готовый смиренно испрашивать для своей благой воли согласия у своего, несравненно менее, чем сам он, известного *сотрудника* ([Флм.1:1](#)), чтобы доброе дело последнего было не вынужденным, а добровольным ([Флм.1:14](#)). Так, брат, — продолжает Павел, — дай мне воспользоваться от тебя в Господе; успокой мое сердце в Господе ([Флм.1:20](#)). Мы уже знаем, какими словами он выражался об Онисиме, и какими, самыми нежными, именами называл апостол своего темничного сожителя; но это еще не все. Онисим провинился в неверности, в измене своему господину. Относясь с возможной снисходительностью к проступку виновного, писатель послания счел за лучшее прошлое, т. е., побег раба, противопоставить настоящему поведению его, чтобы показать то, как теперешний раб Христов не может оказаться худым рабом и земного господина. Он, этот самый Онисим, некогда был для тебя негодным, за то теперь стал годен и тебе, и мне ([Флм.1:11](#)): так, совершенное апостолом в темнице крещение, подлинно обновило неверного раба и сделало его отныне верным.

Чем же, как не всесильною благодатью, возродился к новой жизни этот, так еще недавно омрачавшийся языческой тьмою, человек? И после того нам возражают, что христианство будто бы принижает человеческую природу, притупляет нравственное чувство и потворствует низменным страстям! Чего, впрочем, не говорят в наш декадентский век! Не ведают, что говорят. А между тем эта религия производит сверхъестественное освящение не в одном каком-либо человеке, но в тысячах и миллионах людей. Среди общественного растления и все возрастающего разврата, наперекор всем препятствиям, она — и только она — стоит непоколебимо твердо, непрестанно обновляя и освящая людей. Она творит эти дивно-прекрасные души, всецело устремленные к небу, которые и знают, подчас, только одно же небо. Из нашей жалкой и переполненной злом природы она творит ангелов, созидает святых. «Святых»! многим ли известно, что это значит? Размышлял ли кто когда-нибудь об этом феномене, называемом святостью?

Что такое человек в своем естественном состоянии? Мы можем определить его по себе самим: это, если взять во внимание худую сторону его состояния, существо, наклонное к злу, преданное эгоизму, лени, гордости, корыстолюбию, чувственности, жестокости, двоедушию, способное дойти до изумительной низости ([Рим.1:29-32](#)). Он или вполне поддается дурным наклонностям и, в таком случае, извращается в высшей степени; или, только наполовину обуздывая их и потратив на это невероятные усилия, уже не в состоянии совершить что-либо воистину доброе. Эта возвышенная натура вращается в кругу отрицательной и бесплодной морали и, если не делает зла, — это уже героизм с её стороны. Но и здесь требуется еще, чтобы темперамент, возраст, внешнее состояние, естественная доброта, отсутствие более сильных интересов поддерживали волю в борьбе с низменными поползновениями, или чтобы она находила для себя опору, например, в людском мнении, в так называемой благородной гордости и подобных побуждениях, которые уравнивали бы зло самим же злом и помогали человеку, по крайней мере, хранить равновесие между крайностями, быть эпикурейцем в нравственной области. Вот и все, к чему способен естественный человек.

На этом-то именно низком уровне нравственности берёт христианство человека и возводит его на высочайшую степень святости, т.е., доводит до такого состояния, на котором подавляются все злые инстинкты нашей природы, и добро в самом общем, абсолютном его смысле становится предметом ежедневных занятий, когда душа, в неустанном стремлении к совершенству, отказывает себе не только в запрещенном, но и в дозволенном, в самых дорогих

естественных привязанностях, совершает над собой внутреннее обрезание и духовное жертвоприношение, живет телесною жизнью только для того, чтобы ежедневно умирать для неё, и чрез то рождается в новую жизнь, растёт и возвышается в ней, посвятив себя исключительно долгу и добродетели, никогда не смотрит на то, что сделано доброго, а на то, чего еще не исполнено, смиренно и уничижено смотрит на себя, даже, при совершении великих подвигов и потому не знает никаких пределов в исполнении долга и стремится сделаться совершенною, *потому что Отец наш небесный совершен есть (Мф.5:48)*. И, что особенно поразительно, христианство возводит на такую высоту всякого человека, без различия возрастов и состояний, и даже наперекор самым сильным препятствиям. Сказанное гонителю: *трудно тебе идти против рожна (Деян.9:5)* здесь находит себе полное подтверждение. Обыкновенно, даже происходит так, что среди затруднений и противодействий со стороны природы и общества и происходят эти метаморфозы, называемые обращениями, которые не менее изумительны в порядке нравственного мира, чем метаморфозы баснословной древности в порядке природы. Требуется ли проявить в ярком свете самоотверженную любовь и апостольскую ревность, — благодать избирает для этого дышащего ненавистью гонителя; нужно ли показать образец непреклонной твердости и неустрашимости, на то избирается юная дева; нужно ли представить поразительный пример смирения, скромности и милосердия, — он, под воздействием благодати, является на царском троне. Всесильная благодать вдыхает простоту веры в сердце философа и самую возвышенную философию в сердце простолюдина; наследнику великого имени и блестящего положения в свете внушает любовь к самоотвержению и произвольной нищете, из отверженной и презираемой миром грешницы творит любимицу всесвятого Бога.

Бесспорно, и между язычниками были добродетельные люди, и у них существовали мудрецы; но в античном мире отнюдь не проявлялось того, что мы разумеем под названием «святой», потому что истинная добродетель возможна только там, где есть истинная религия, представляющая собой живой союз Бога с человеком. Но, по причине грехопадения, человек потерял истинное ведение о Боге, и многобожие извратило истинную религию до таких чудовищных крайностей, что вместо того, чтобы человеку быть отражением совершенств Божьих, он самое Божество превратил в зеркало своих собственных несовершенств, которые и принимал за образец для своей жизнедеятельности. Отношения между Богом и человеком были извращены. Как же могло быть, чтобы, при такой аномалии, сохранилась в человеке идея нравственного совершенства?

Вся жизнь языческого мира, в конце концов, приводила человека к горькому сознанию, что, даже, и философия не в состоянии дать успокоение мятущейся и мучающейся неразрешимыми вопросами душе. Эпикуреец видел в мире только одно зло; стоик составил понятие о человеке, как о грешнике, а ежедневный опыт неотразимо подтверждал такое понятие. Таким образом, философия периода римской империи не видела для себя какой-либо другой более серьезной цели, или задачи, кроме одной: освобождения человека от страданий и прирожденной ему греховности. Философствовать по Эпикуру, значит учиться тому, чего надо желать и чего избегать. Начало философии есть сознание собственного бессилия и потребности в сторонней помощи. Кто хочет быть добрым, тот должен, прежде всего, убедиться в собственной порочности. Философ — это медик, к которому приходят больные. Он не учит, но исцеляет, и его главная задача состоит в том, чтобы возбудить в своих пациентах чувство собственного страдания и полного неведения, незнания. Так существенно изменился древне-стоический взгляд на совершенство человеческой природы, и быть мудрым уже не означало теперь жить сообразно с природой, но «исцелять» природу, совершенствовать ее, освободить от недостатков. Так, в самом главном пункте была поколеблена стоическая самодовлеемость. Пред

нами проходят многочисленные проповедники житейски-практического самоотвержения, целящие психиатры, или, выражаясь языком Сократа, «повивальные бабки» добродетели. Нравоучители по призванию, они шли навстречу своему времени, так нуждавшемуся в исцелении. Выдающиеся личности вроде, например, Димитрия, друга Сенеки, делали попытки к исправлению нравственной распущенности своего века посредством различных идеалов возвышенной жизни. Но времена Сократа миновали безвозвратно, а популярная философия сделалась камнем соблазна. Если каждый, в своей ограниченности, — так рассуждали, — оказывался не в состоянии правильно организовать свою жизнь, то для этого существует друг, учитель, мудрец, под руководством которых последняя должна получить свои незыблемые устои. «Мы должны, — говорит Эпикур, — отыскать для себя такого благовоспитанного человека, который находился бы постоянно пред нашими глазами, чтобы жить так, как бы он смотрел на нас, и всегда поступать так, как бы сам он видел наши деяния». А так как даже и самый верный друг не гарантирован от всевозможных падений, а мы, к прискорбию, очень часто убеждаемся в той истине, что и другие не сильнее нас, то стоики указывают на древних героев, или на идеал человека-философа. «Носи в своем сердце единое существо, — пишет Сенека, — чтобы почитать его с таким благоговением, которое освящало бы всю твою душу. О, как счастлив тот, кто совершенствуется не только в присутствии такого существа, но и одною мыслью о нем». Честность Аристиды, слава Фемистокла, добродетель Эпаминонда, твердость Катона и т. п. представляли собой любимый предмет прославления со стороны стоической школы. Как видно, не было недостатка в образцах нравственности; но именно в этом-то изобилии их и заключалась недостаточность каждого из них для добродетельной жизни. Спор о том: кто же лучший из героев? всех их низводил с высоты величия, а для учеников подчас и Диоген казался недостаточно бедным, и Эпаминонд — не вполне мужественным, и в Катоне видели очень мало катонского. С историческими идеалами произошло, в конце концов, то же, что и с живыми, и жаждущие исцеления опять пришли к тому горестному сознанию, что и мудрец — все тот же несовершенный человек. В таких обстоятельствах неудовлетворенные искатели правды, естественно, пришли к заключению, что только одна небесная помощь в силах освободить человечество от нравственной порчи. Так, потребность искупления стала религиозною потребностью. Стоики провозгласили, что только один, примиренный с Богом, человек может найти примирение с миром. Философия в этой стадии развития становится богослужением, а философ — иерофантом (Hausrath. N. — Tliche Zeitgesch. Zw. Aufl. Heidelb. 1875. II. 42 ff.). Таким образом, мы достигли пункта, на котором укреплялась мысль о необходимости посредника между Богом и людьми. Известно, с каким невероятным напряжением своего умозрения пытался неоплатонизм перекинуть мост из этого мира в потусторонний мир. Язычество мало-по-малу начинало веровать в абсолютную премирность Божества, и если бы чувство нашего единения с Богом, как и, вообще, сознание примирения могло сообщаться человеку одним умозрительным путем, то возвышенное учение неоплатоников о Логосе вполне разрешило бы эту задачу. Так, по-видимому, препобеждался дуализм. Но посредством отвлеченной мысли невозможно было достигнуть непоколебимого убеждения в бытии Логоса, примиряющего мир с Богом. Только христианство впервые возвестило миру ту радостную истину, что Логос — *Слово стало плотью и обитало с нами, и мы видели славу Его (Ин.1:14)*. Только после того, как эта религия указала на Него, исполненного благодати и истины, — действительно, был препобежден дуализм, и закрылась зиявшая между Богом и миром, разделявшая их доселе бездна. Проповеданная стоиками, философская апатия и атараксия не могли исцелить этот греховный мир, зато апостольская проповедь в это время уже благовествовала: *всякий, верующий, что Иисус есть Христос, — от Бога рожден, и всякий, рожденный от Бога, побеждает мир. И сия есть победа, победившая*

мир, вера наша ([1Ин.5:1-5](#)).

Начните разговаривать с кем-нибудь о религии, — он тотчас перейдет к вопросу о Церкви, о врагах её, о борьбе с «клерикализмом», другими словами, обратится к социальным или политическим вопросам, так сильно занимающим его. Но зато далеко не так скоро поймет он, что в данном случае речь идет, прежде всего, о нем же самом и об его прямом личном отношении к Богу. В самом деле, мы так охотно рассуждаем о своем веке, с его скорбями и бедствиями; мы смело витаем в широкой области отвлеченных соображений и, произнося шумные речи о необходимости нравственного оздоровления общества, подчас не видим стоящего пред нами *реального* человека, с тяжкими его страданиями и горькой нуждой.

Представим себе, что во время Кесаря Августа, мы были бы позваны Господом перестраивать мир: что сделали бы мы? Немедленно занялись бы устройством различных учреждений с религиозной целью, начали бы всюду публиковать послания, обрушились бы на эпикурейство и скептицизм, стали бы доказывать стоикам тщету их холодной морали, едва ли даже и подумав о том, что есть более верное средство к достижению предположенной цели, состоящее в том, чтобы терпеливо учить, в какой-либо неведомой галилейской деревне, нескольких мытарей и рыбаков; с нежданно встреченной самарянкой беседовать о вечной жизни, или томительные дни темничного заключения употребить на религиозное просвещение какого-либо бедного раба. Кто знает: может быть, эта *верность в малом* показала бы нам напрасной затратой труда и времени и, в таком случае, мы настойчиво стали бы отыскивать более широкого поприща для своей просветительной деятельности, а для своей любви — более достойных предметов. Думается, что в этих рассуждениях нет никакого преувеличения. Возможно, что в указанном именно стремлении к всеобъемлющей деятельности и заключается западня, улавливающая нас самих, с нашими благими порывами, чем и объясняется их заурядная бесплодность. Ведь нет ничего более легкого по сравнению с тем, как воспламениться энтузиазмом для рассчитанных по самому широкому масштабу дел и предприятий: здесь бывает достаточно одного воображения: абстракции же не вызывают к человеческой совести. Как трогательно, например, пролитие слез о нравственном растлении общества и о пагубном понижении характеров: поплакать и «пошуметь» — все это необыкновенно легко. И, однако же, эти страшные громы неудовольствия на всеобщую деморализацию далеко не всегда сопровождаются потоками благодеяний. Иной пламенный обличитель нравов и не подумает, например, о сокращении своего обеденного меню: он ни на грош не поступится роскошью своего убранства и не решится, хоть мало чем, потревожить себя в сладострастном плену лени и чувственности. Так ведь много говорят о спасении человечества! Зато в результате изнеможения от бесконечных речей на эту тему, иной нравообличитель, даже, и пальцем не двинет для вразумления находящихся близ него невежд; проживая бок о бок с многочисленным штатом прислуги, иной во всю свою жизнь не обратится к ней с ласковым словом, зато сколько скорбных lamentаций раздастся по её адресу! Умиляясь темничным зрелищем апостола, кротко наставляющего в истинах веры Онисима, пусть некоторые подумают о том: нет ли, в данный момент, около их же самих, еще и других таких же Онисимов, которых Сам Бог послал к ним за вразумлением?

Сколько горячих речей раздастся теперь о народном образовании, и с каким высоким сочувствием относится современное общество к нелегкому положению рабочих классов!.. Но многие ли занялись вопросом о том: получаемый хозяевами известных предприятий доход с капитала, не слишком ли превышает скудную плату рабочих, и не справедливо ли приложить к этому следующее обличение ап. Иакова: *вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; напитали сердца ваши, как бы на день заклания?*

(Иак.5:4-5). Не любим мы переступать за порог бедного жилища, испытывая неодолимое отвращение к тяжкому зрелищу человеческой нищеты и страдания.

Не мало сыплется упреков Церкви и духовенству за их омирщение и за оскудение их живой и действенной проповедью, и в то же время с затаенной боязнью относятся ко всякому более или менее свободному исповеданию веры: как бы она не породила оппозиции и неприятных разговоров, особенно, когда, помнящий апостольское завещание ([Деян.4:19](#)), пастырь обличает не одну только часть общества, но и другую, нередко считающую себя почему-то изъятой из сферы пастырского воздействия. Если бы проповедник с таким преступным пристрастием стал относиться к священнодействию благовествования ([Рим.15:16](#)), то своим дипломатическим оппортунизмом подписал бы себе смертный приговор: *и вот, ты для них — как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий* ([Иез.33:32](#)). В Церкви Бога живаго, которая, по апостольскому выражению, есть *столп и утверждение истины* ([1Тим.3:15](#)), не место никаким «забавам» Пусть же справедливое пастырское обличение выслушивается безропотно всеми, которые, по суду своей совести, могут подлежать последнему, имеющему своей единственной целью утверждение в сердцах людей веры и правды, а служитель Слова пусть не забывает назидательного изречения псалмопевца: *и глаголах о свидениях Твоих пред цари, и не стыдяхся* ([Пс.118:46](#)). Ап. Павел увещевает *находящихся под игом рабов, чтобы они почитали господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. Те, —* продолжает апостол, *— которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они — братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им. Учи сему!* — заповедует он епископу Тимофею ([1Тим.6:1-2](#)). Но это только одна сторона дела. В конце той же главы ([1Тим.6:17](#)) и тот же апостол настойчиво заповедует Тимофею иметь в виду и другую часть паствы: *богатых в настоящем веке увещевай, чтоб они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, а на живого Бога: чтоб они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны.* Разумеется, апостольский ученик призывался не к такому увещанию, о котором сказано у пророка: *они слушают слова твои, но не исполняют их* ([Иез.33:32](#)), а к плодотворному, ибо *царство Божие не в слове, а в силе* ([1Кор.4:20](#)).

Относясь, подчас, с непростительным равнодушием к этим, для нашего общего блага написанным, увещаниям, мы сами становимся своими палачами и достигаем, поистине, печальных результатов. Вместо того, чтобы получить многое, если не все, мы не обогащаемся ровно ничем и топчемся на избитом месте общих фраз и отвлеченностей, в преступном забвении той истины, что не идеями спасен мир, и что абстракции и теории никогда не одолеют греха и зла, что *понятия не рождают жизни*, но что последняя происходит *только от жизни*, подобно тому, как свет изливается только от света. Не согреваемые любовью, идеи походят на зимнее солнце, под блестящими лучами которого легко можно замерзнуть от холода.

Одним из вопиющих зол римской империи являлась крайняя бедность простого народа, или так называемый пауперизм. Некоторые знатные капиталисты, наоборот, владели колоссальными состояниями, к тому еще нередко увеличивавшимися всякими насилиями и неправдами. Эти классические крезы буквально утопали в неге и всяком довольстве, «разливаясь в пирах и в мотовстве». Что же касается среднего рабочего класса, составляющего силу и безопасность страны, то его почти не существовало. Не сообразно было с достоинством римского гражданина в поте лица снискивать свое пропитание; труд находился не в чести; обрабатывание полей предоставлялось невольникам; зато процветали ростовщики, а праздная чернь была насколько многочисленна, настолько же и голодна, так что требовалось снабжать ее даровым пропитанием, во избежание страшных беспорядков. В консульство Юлия Цезаря три четверти обитателей Рима питались насчет общественной казны: «при населении в четыреста пятьдесят

тысяч душ, таких «питомцев» было зарегистрировано триста двадцать тысяч». И, однако же, зло прогрессивно все увеличивалось, угрожая, в конце концов, распространиться по всей империи.

С самого появления своего на свет христианская Церковь особое внимание посвятила возможному облегчению участи несчастных. Исходя из того справедливого положения, что не достаточно ограничиваться одной раздачей щедрой милостыни, Церковь всеми силами старалась провести в их сознание мысль о ненормальности такого способа их существования и возбудить в них любовь к труду, что и засвидетельствовало следующими словами апостола: *если кто не хочет трудиться, то и не ешь* ([2Сол.3:10](#)). Но слышим, — продолжает ап. Павел, — *что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся* ([2Сол.3:11](#)). Как все это подходит к переживаемому нами времени! Писатель послания можно подумать, выразился так по непосредственному ознакомлению с нашей действительностью: так недалеко ушли мы от некоторых современников апостола. Как бы то ни было, верующие повсюду организовали помощь в пользу проживавших в Иудее бедных. Пальма первенства в этом отношении принадлежит Иерусалимской Церкви, как о том и читаем в книге Деяний Апостольских:

У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями, или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду ([Деян.4:32-35](#)).

Первенствующие христиане не были «экономистами» в современном смысле слова. Разумеется, сколько угодно можно разбирать способ их вспомоществования и, при случае, упрекнуть их за недостаток предусмотрительности в таком предприятии, концом которого могло быть полное оскудение денежных средств. Но, с другой стороны, нельзя закрывать глаз и в виду необыкновенных чудес, производимых новой верой, как в этой, так и в других областях жизни. Высокий религиозный энтузиазм одушевлял тысячи исповедников Распятого Его *новою заповедью* о самоотверженной любви к ближним, об *искании, прежде всего, царства Божия* и необходимости жертвовать всеми земными благами для скорейшего осуществления его. На вверенные им богатства люди смотрели, как на благотворительный капитал, который они должны раздавать неимущим. И слово становилось делом!

Как близки мы теперь, по-видимому, к самому решительному социализму, в защиту которого выступает, — так кажется иным, — само слово Божие. Не даром некоторые пылкие ораторы настойчиво говорят о «христианском коммунизме». Пусть так, но только не надо забывать прилагательное «христианский». Существенное качество такого коммунизма не в том, что верующие *имели все общее* ([Деян.2:44](#)), а в другом, что в их благотворительности не было ничего принудительного: все проистекало из любви и творилось с полной свободой. Это необыкновенно-сильное развитие частной инициативы, это добровольное бескорыстие, вот что является существенным в древнехристианской благотворительности. Не угодно ли модному социализму сравняться в этом отношении с христианством: тогда еще можно будет подумать о том, насколько силен он исполнить задуманное им дело.

Первенствующие христиане с полным уважением относились к праву собственности. Никто не принуждался продавать свое имущество и, таким образом, обездоливать себя: если какой-либо состоятельный член Церкви воздерживался от принесения такой жертвы, то верующие имели достаточно достоинства и взаимной любви, чтобы не делать такого предметом порицания или подозрения. В этом отношении ап. Петр является весьма категоричным. Не в том упрекает он Ананию с Сапфирой, что они сберегли для себя известную часть из полученных за проданное имение денег, а в другом, что они *солгали* Богу, заверяя апостола, что принесенные деньги составляют всю, вырученную от продажи имения их, сумму. Вот почему ап. Петр и обратился к Анании с грозным обличением: *Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в*

сердце твое мысль — солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажу не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в своем сердце? Не человекам ты солгал, а Богу. (Деян.5:3-4).

Так, не задаваясь какими-либо социальными идеями, не следуя никакой экономической теории, а только всем сердцем откликаясь на призыв своего Спасителя к братской любви и милосердию, древние христиане далеко опередили нас благоустройством своей церковной жизни. Мы знаем теперь истинную причину, почему *не было между ними никого нуждающегося (Деян.4:34)*. Тем более не извинительно для нас, зная причину, лихорадочно набрасываться на различные экономические теории и вооруженной рукой проводить их в общественную жизнь. Сколько угодно, можно принести усилий и жертв для осуществления модных учений: они не возрастят полезных плодов, тем более, что в недалеком прошлом не было недостатка в подобных же опытах. Сенсимонисты, фурьеристы, социалисты, коммунисты — все они пытались основать нравственность на новых догматах, «поднять Христа», как выражались реформаторы, и «обновить Его хитон». Что же вышло из этого? Горькие заблуждения, которые пока время не дало им обратиться в преступления, составляли предмет смеха; а потом перешли в преступления и угрожают все более и более страшными бедствиями. Логика начала неизбежно приводит к соответствующим ей фактам. Но есть логика и логика. Христианство, происходящее от божественного Логоса, тем самым: уже представляет из себя самую стройную логику религиозной жизни, опирающейся на бесспорные религиозные факты, один из которых, в форме непререкаемого закона, гласит: *без Меня вы не можете делать ничего (Ин.15:5)*; следовательно, и экономическое благоустройство жизни, каким бы симпатичным делом ни представлялось оно, не может совершиться без Христа: в противном случае, не смотря на все наши титанические усилия, оно рухнет, и *падение его будет великим (Мф.7:27)*.

Нравственное величие никогда не остается бесплодным. Иерусалимская церковь служила образцом для подражания всем истинным христианам первых веков. Особенно пламенными поборниками христианской благотворительности и обличителями скупости тогдашних богачей выступали знаменитые отцы Церкви. Послушаем одного из них, как обличает он современных ему крестов за скупость в беседе «К обогащающимся» (Васил. Вел. Творен. в русск. пер. Моск. 1846. Ч; 4; стр. 101 и сл.). «Давно бы ты позаботился расстаться с деньгами, если бы любил своего ближнего. А теперь имение с тобою связано теснее телесных членов. Если бы одевал ты нагого, если бы отдавал свой хлеб алчущему, если бы ты был отцом сирот, если бы сострадал всякому немощному, то о каком имении стал бы скорбеть теперь? Сам дьявол придумал хитрый способ доставлять богатым тысячи случаев к издержкам. У них тысячи колесниц и множество коней, которым, точно людям, ведут родословные; узды, подпруги, хомуты — все серебряные и осыпаны золотом. У них бесчисленное множество всяких домашних слуг: управляющие, ключники, землепашцы, повара, хлебники, виночерпии, охотники, ваятели, живописцы, строители всякого рода удовольствий. Дома сияют всякого рода мраморами, полы в них испещрены разноцветными камнями, потолки вызолочены... Знаю многих, которые постятся, молятся, воздыхают, оказывают всякое неубыточное благодеяние, но не подают ни одного обола тесным нуждой. Рассуждающие здраво должны держаться той мысли, что свое богатство мы можем употреблять *только как приставники*, а не как имеющие право наслаждаться им. Что ты ответишь Судии, — ты, который обиваешь тканями стены, а не оденешь человека; убираешь коней, зато равнодушно смотришь на одетого в рубище брата; гноишь пшеницу, а не питаешь алчущих, зарываешь в землю золото, а притесненного оставляешь без внимания?.. Ничто не противится силе богатства: все преклоняется пред его самовластием, все трепещет его владычества, потому что всякий из обиженных более думает о том, как бы еще не потерпеть

какого зла, нежели о другом, как бы отмстить за перенесенное. Если станешь жаловаться, то тебя же обвинят в оскорблении и осудят; будешь сидеть в тюрьме; готовы клеветники, которые доведут тебя до опасности жизни. Рад будешь и еще что-либо отдать, только бы освободиться от тяжбы. Смотри, чтобы тебе, многими трудами стяжавшему богатство, не приготовить для других соблазна ко грехам и потом не понести двойного наказания за то, что и сам делал неправду, и другому дал средства для того же». Последними словами св. отец приближается к подобному же напоминанию, кратко выраженному в изречении псалмопевца: *всегда гордится нечестивому, возгарается нищий (Пс.9:23)*. «Скажу нечто тяжелое и неприятное», — проповедует св. И. Златоуст («Беседа о милостыне», см. «Творения св. И. Златоуста» в рус. пер, Спб. 1897. Т. III, стр. 274), — знаю, что рассердитесь, но, несмотря на это, скажу, потому что и говорю не для того, чтобы оскорбить вас, а чтобы исправить. Мы попрекаем бедных праздностью, которая часто заслуживает и извинения, а сами часто творим такие дела, которые хуже всякой праздности. «Но я, — скажет иной, — владею отцовским наследством». Неужели же, скажи мне, бедный должен погибнуть за то, что он беден и не имеет богатых предков? Но поэтому-то он особенно и заслуживает милосердия со стороны богатых. Ты, проводя часто целый день в театре, или в собраниях, или в бесполезных разговорах, не думаешь, что делаешь худо; а этого несчастного и жалкого бедняка, который целый день проводит в прощении милостыни, в слезах и в тысячи бед, осуждаешь и влечешь в судилище, требуя от него отчета. Где же тут, скажи мне, человеческая совесть?»

И Церковь, предводимая самоотверженными пастырями, взяла на себя нелегкое бремя призрения бедных. Не будем опускать из внимания того, что пауперизм того времени достиг ужасающих размеров. Частная благотворительность оказалась не в состоянии одолеть этого бедствия. Обильные жертвы стекались отовсюду, но, для правильного их распределения, требовалось усиление контроля над ними, что и выразилось централизацией их в Церкви, которая и заведовала делом благотворительности. Каждая хр. община имела свою «сокровищницу бедных», на средства которой и поддерживались эти последние, нередко весьма значительные числом. Так, например, одно время константинопольская Церковь давала пропитание 3.000 бедняков, а от щедрот александрийской Церкви одновременно пользовалось 7.500 душ. Всем таким несчастным требовалось, затем, помещение. И вот, повсюду начали возникать госпитали. В короткое время в одной Византии насчитывалось их тридцать семь. Убежища для путников и иностранцев, приюты для больных, для неизлечимых, сиротские дома, пристанища для инвалидов, убежища для престарелых и другие благотворительные учреждения воздвигались, как по волшебному мановению.

Возбуждая ревность своей паствы к благотворительности, предстоятели Церкви не ограничивались одними прекрасными речами. В отличие от тех демагогов, которые яростно вопиют против господства капитализма и, в тоже время, ревниво оберегают свои миллионы, отцы Церкви *показывали веру свою от дел своих*. Свв. Амвросий Медиоланский, Григорий Нисский, Василий Великий, блаженный Августин, с целью облегчить тяжкую участь бедных, буквально отказались от всех мирских благ и ограничивались только самым необходимым. «Первое серебро, которое роздал Златоуст со дня своего посвящения в сан пресвитера, было его собственным, и с той поры он более уже ничего не имел; сам он сделался первым бедняком сначала антиохийской, а потом константинопольской Церкви» (Maury, La prédication sociale au quatrième siècle. Revue de théologie de Montauban, 1-er décembre 1896).

Необыкновенно широкое развитие христианской благотворительности не могло не бросаться в глаза язычникам. Император Юлиан Отступник писал по этому поводу следующие строки языческому понтифексу Арзакию: «Устраивай в каждом городе побольше приютов для путешественников. Постыдно было бы нам, если бы в то время, как у иудеев нет ни одного

нищего, как нечестивые галилеяне питают наших вместе со своими, единоверные нам бедняки оставались лишенными той помощи, какую мы обязаны оказывать им». Но истинная благотворительность рождается не из царских велений, а из любвеобильного и всецело преданного ей сердца. Пока в человеке не искоренен эгоизм, всякая милостыня имеет характер или вынужденной страхом уступки, или возложенной государством подати, и потому теряет свой «небесный аромат» и благотворную силу. В язычестве благотворительность является мерой общественной предосторожности и, к сожалению, средством нравственного растления и поводом к праздности.

Не далеко ушло от язычества в этом отношении и мохаммеданство. «Помощь престарелым, сиротам, бедным и путникам» не оставалось чуждой для ислама, но зато как отличается она от христианской! На такую помощь, как и на нужды богослужения, каждый правоверный мусульманин обязуется уплачивать *пятью* долями... чего? своих личных доходов? произведений своего труда? Совсем нет, а только отнятой у врагов *добычи*! А другая четыре пятых части делились между правоверными (Berthoud, Apologie du christianisme. Laus. — Paris. 1898, p. 638 — 641).

Таким образом, христианство обращает внимание каждого, стремящегося к истинной жизни, прежде всего, на свое внутреннее «я». *С себя самого нужно начинать* дело преобразования жизни и в себе самом углубиться настолько, чтобы не видеть пока чужих пороков. И, действительно, в нагорной проповеди Спаситель преподает подлинно высочайшие заповеди: *что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в своем глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот, в твоём глазе бревно! Лицемер, вынь прежде бревно из своего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* ([Мф.7:3-5](#)). Надо полагать, что Проповедник лучше всякого знал и что Он говорил, и для чего говорил, а учил Он, *как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи* ([Мф.7:29](#)), число которых не оскудело и в наше время. *Власть Христова* — это не внешний авторитет, опирающийся на мирскую силу, а полная гармония между Его словом и делом; это — Его недостижимо высокое религиозно-нравственное совершенство, могущественно покорявшее человеческие умы и сердца ([Ин.7:46](#)) и проистекавшее из Его исключительного отношения к Богу-Отцу ([Ин.10:30](#)). Нельзя забывать и того, что Христос был несравненный психолог, ибо насквозь прозревал человеческие души ([Мф.9:4](#), [12:25](#). [Мк.13:4-37](#), [14:18](#). [Лк.7:39-50](#) и мн. др.) и, если начал дело созидания царствия Божия с отдельных душ ([Ин.1:35-51](#)), а продолжение Своего дела обуславливал нравственным самоисправлением опять-таки отдельных лиц, то, следовательно, имел для этого твердые основания. Дело в том, что пока каждый из нас не преобразует своего внутреннего человека, он не способен, решительно не в состоянии преобразовать других. Преждевременное облечение в реформаторскую тогу — это роковое заблуждение некоторых из современных деятелей. В таком случае, слепые поведут слепых, и все упадут в яму. Но когда каждый признает полноценность выраженного Спасителем требования насчет вынуждения *бревна* из собственного глаза, когда каждый займется этой нелегкой операцией над самим собою, когда примутся за этот подвиг единицы, из которых образуются сотни и тысячи, — то именно, что принято называть «обществом», — тогда обновление жизни пойдет твердым и неуклонным шагом. Пусть, медленно совершается нравственное перерождение: дело не в скорости, а в истине и правде. Представьте себе непроглядную ночь; не видно ни зги; тщетно стараетесь вы отыскать дорогу, рискуя получить увечье... Но, вот, на доселе туманном небе показалась одна звездочка, за ней другая и третья, десятая и сотая, проливая свой мерцающий свет на землю. Вам становится отраднее, в душе вашей наступает мир, вы находите верную дорогу к месту своего назначения, *радуясь, продолжаете путь свой* ([Деян.8:39](#)).

В таком, именно, положении находится и современное общество. Полярная ночь окутала нас непроницаемой тьмою, и мы, как сбившиеся с дороги странники, бредем неведомо куда. Где ж вы, наши путеводные звезды? Далеко ль, надолго ль вы скрылись от нас? Прояснитесь с небесной высоты и пролейте свой кроткий свет на землю, чтоб мы нашли наконец затерянный след и так же *продолжали свой путь, радуясь?!.*

В пергаменте ль найдем источник мы живой?

Ему ли утолить высокие стремленья?

О, нет, в душе своей одной

Найдем мы ключ успокоенья!

(«Фауст». Гёте).

Найдем его не в озлобленной и растерзанной, а в кроткой и мирволящей душе, признающей безусловную *общеобязательность нравственного долга*. Пусть там и здесь, в этом осуетившемся мире, господствуют пороки и преступления; пусть, ярким пламенем разгораются злоба и страсти; пусть по всему пространству опозоренной и поруганной родины стремительно несутся разрушительные бури, но я, как обязанная всецелым послушанием нравственному закону, как разумно-свободная личность, буду, во чтобы ни стало, исполнять свыше возложенный на меня долг. Я верю в неодолимую силу высшего блага, верю в торжество истины и правды и надеюсь, что *буду жив моей верой (Гал.3:11)*.

Нет спору, что надо много потрудиться над собой для выработки истинно-высокого и бодрого настроения. Но, повторяем, не следует смущаться бременем труда, подвигом, на котором почиет благословение Самого Господа: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф.11:30)*. «Ярмо — не орудие пытки, но орудие сострадания». Это не какое-либо особое бремя, возлагаемое на плечи христианина; это — бремя, несомое одинаково всеми людьми. Это просто жизнь, общее бремя жизни, которое должны нести все от колыбели до могилы. Христос видел, как тяжело доставалась жизнь людям. Для одних она была прямо тягостью, для других полна неудач, для многих — рядом скорбей и бедствий, для всех — страданием и борьбой. Как нести это бремя жизни — составляло тогда, как составляет и поныне, задачу всего человечества. Вот как разрешает ее Христос: «несите бремя жизни так, как несусь Я. Относитесь к жизни, как Я отношусь к ней. Смотрите на нее с Моей точки зрения. Объясняйте ее, руководясь Моими правилами. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, и увидите, что оно легко. Предлагаемое Мною иго легко носится, хорошо сидит на плечах, а потому не тяжело и бремя мое» (Друммонд. Естеств. Закон в дух. мире. Моск. 1898, стр. 315 — 316).

К глубокому сожалению, некоторые переустроители жизни начинают дело с другого конца, особенно, самоуверенные в своей к тому правоспособности молодые люди, к сожалению, забывшие священный завет великого нашего писателя, четверть века тому назад погребенного на Невском кладбище. Забыто сравнительно еще недалекое прошлое; забыты величественные похороны, во время которых большие тысячи учащейся молодежи могучим хором пели «Святой Боже» провожаемому в вечность наставнику. А между тем, не мешало бы и теперь обратиться к нему за советом, по крайней мере, тем измученным душам, которые почему-либо не хотят слушать других наставников, и они прочли бы, например, хоть следующие назидательные строки в «Дневнике писателя» (за 1877 г. «Полное собр. сочин.» Спб. 1883, т. XII, стр. 421): «*смирись, гордый человек и, прежде всего, сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и, прежде всего, потрудись на родной ниве. Не вне тебя правда, а в тебе самом: найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а, прежде всего, в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя, — и станешь свободен, как никогда и не вообразал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь,*

наконец, народ свой и святую правду его». Хочется верить, что эти возвышенные мысли не сошли безвозвратно, вместе с писателем, в его могилу, и что оживут они в молодых сердцах и принесут свои добрые плоды. Нельзя же допустить, чтобы этой богатырской мощи писателя-пророка, каждое произведение которого прошло через горнило огненных страданий, хватило только на одно поколение. Это было бы горько и обидно, и служило бы угрожающим симптомом нашей нравственной разнузданности.

В каком же отношении находимся мы к нравственному закону? Последний, как это не подлежит ни малейшему сомнению, для нас безусловно-обязателен, что особенно сознается нами в случаях нравственного проступка. Следовательно, нравственный закон является чем-то высшим по сравнению с человеческим «я», представляет собой такой общеобязательный императив, по отношению к которому наше «я» не может не состоять в почтительном послушании. Не может поэтому быть, чтобы мы одновременно служили как источником такой повелительной силы, так и объектами безусловного повиновения ей. Отсюда с принудительной необходимостью проистекает тот вывод, что не мы, в своей ограниченности, являемся творцами безусловного закона, но он происходит *свыше*, от небесного Законодателя-Бога. Таков смысл изречения псалмопевца: *правосудие и правота — основание престола Твоего (Пс.88:15)*. Вот почему стремящийся к высоконравственной жизни человек полагает свою *волю в законе Господнем*, а не в самоизмышленных постановлениях (*Пс.1:1-2*). Только такой закон и может быть в полном смысле слова *благим, паче тысяч злата и сребра (Пс.118:72)*, только о нем сказано: *светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим (Пс.118:105)*, тогда как о некоторых человеческих законах следует заметить совсем другое: не стоят они не только тысяч злата и сребра, но и медной полушки (*Мф.15:1-9; Мк.7:13*), и больше только омрачают, нежели освещают наши земные стези (*Ис.28:10-13*). Вот почему даже и в язычестве нравственный миропорядок возводился к самим богам: так, например, в эллинской религии право, или правосудие (Δίκη) имеет своим отцом самого Зевса и восседает, в качестве охранительницы правды, на его троне (ср. С. F. Nägelsbah, *Homerische Theologie*. Nürnberg, 1884, S. 158 ff. и «По поводу лжеучения графа Толстого», э.-о. проф. свящ. Е. Аквилонова. Спб. 1901, стр. 42).

Итак, мы служим только *орудием*, посредством которого Бог исполняет Свою правду на земле. Само собой разумеется, что таким или иным *качеством* орудия, в значительной степени обуславливается исполнение этой правды. Отсюда следует, что наш нравственный долг — всеми силами стараться о приведении себя в такое состояние, при котором возможно наилучшее осуществление высшей правды в мире. Если же мы упорно противимся этому, или просто отдаемся легкомыслию, то подложим неумолимому суду попираемого нами закона (*Ин.3:18-19*). В таком случае, мы становимся страшными орудиями не созидающей, а карающей и всепогубляющей правды: ибо Она повелевает солнцу не только согревать, но и сожигать, дождю — не только орошать, но и потоплять, громам и молниям — не только оздоравливать, но и истреблять: Господь есть не только милующая *любовь*, но и *поядающий огонь*. Это нужно помнить особенно тем мнимо-православным квиетистам, которые уперлись в своем богословствовании в одну точку и думают, что, как высочайшая любовь, Бог должен только потворствовать их порокам и легкомыслию. *Мне отмщение, и Аз воздам*, — говорит Сам Господь (*Евр.10:30*). Пусть эти квиетисты поразмыслят над приведенными, а также и над другими подобными, часто встречающимися в Библии, словами несомненно любящего нас Бога!

Предположите, что на ваших глазах умирает любимый вами человек, дорогой вам, как ваше сердце. Естественно, вы обращаетесь к лучшим, какие только находятся около вас, врачи; но и те беспомощны пред тяжелой болезнью. По счастью, к вам является какой-либо знаменитый хирург и предлагает, для спасения больного, произвести серьезную операцию. Разумеется, вы соглашаетесь. Но, на беду, хирургу подают ржавый инструмент, которым непременно

произведется отравление крови пациента. Пред вами тяжкая альтернатива: или отложить операцию и положиться на капризную случайность: «авось выздоровеет!», или же, доверяясь искусству хирурга, добыть соответствующие инструменты. Думается, что последнее решение будет лучшим: произведенная чистыми инструментами операция спасет больного. Теперь, мы, как выше указано, служим не более, как только орудиями Божией правды в этом мире. Не ясно ли, какими чистыми должны быть орудия, чтобы производимая нами операция над жизнью, над близкими нам людьми, над их душами и умами, происходила удачно, а не с заражением крови и смертельным исходом пациентов! *Лицемер, вынь прежде бревно из своего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* ([Мф.7:5](#)).

Но, скажут, все это довольно старо и избито. На лучший приговор со стороны некоторых «независимых» мыслителей мы и не рассчитывали: со своей точки зрения они правы; но верна ли самая точка зрения — это вопрос. Ведь всякая истина, несомненно, стара, и ложь, вообще, моложе истины, представляя собой по существу не иное что, как только отрицание истины (каковым отрицанием и поддерживается существование лжи). Правда, что древность, то есть, одна хронологическая дата, сама по себе еще не гарантирует истинности известного положения. Но мы располагаем другими данными, «по существу» оправдывающими истинность вышеизложенного. В самом деле, пусть нам укажут что-либо более высокое или совершенное по сравнению с такими евангельскими заповедями, как, например: *вы слышали, что сказано древним: не убивай! Кто же убьет, тот подлежит суду. А Я говорю вам, что каждый, напрасно гневающийся на брата своего, подлежит суду* ([Мф.5:21-22](#)); *вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй! А Я говорю вам: всякий, с возделением смотрящий на женщину, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем* ([Мф.5:27-28](#)); *вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему; но ударившему тебя в правую щеку твою обрати и другую* ([Мф.5:38-39](#)); *будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный* ([Мф.5:48](#)); *ищите прежде царствия Божия и правды его, и все это приложится вам* ([Мф.5:33](#)) и мн. др.

Сколько угодно, ройтесь в древнейших «ведах», в различных «икингах» и «шукингах», в «книге мертвых» или в «Зенд-Авесте», привлекайте к ответу клинообразные надписи и папирусы, — нигде и никогда вы не найдете чего-либо более возвышенного, по сравнению с христианским учением. Напрягайте все силы своего ума и постарайтесь открыть что-либо более совершенное, сравнительно с нагорною проповедью, — в лучшем случае, вы убедитесь только в тщете своих усилий и признаете глубокую истину известных слов: *погублю премудрость премудрых, и разум разумных отвергну* ([1Кор.1:19](#)). Вы придете к радостному убеждению в том, что Христово Евангелие — чистейшая, абсолютная истина, вечно юная и предназначенная для выведения нас, заблудших, на путь правый, для «исцеления сокрушенных сердцем», для «спасения всех погибающих». Христово Евангелие, подлинно, «вечная» книга ([Апок.14:6](#)).

Но, признавая безусловную истинность и обязательность евангельских заповедей, необходимо иметь в виду их неразрывную связь с богочеловеческим Лицом Христа-Спасителя. Признавая одно, нельзя отвергать другое. Следовательно, признавая непрерываемую необходимость полагать Евангелие в основу своей жизни, мы должны, в сущности такой основой иметь *Самого Христа-Спасителя*, по неложным словам Его: *верующий в Меня имеет жизнь вечную* ([Ин.6:47](#)), ибо только *Он истинно есть Спаситель мира, Христос* ([Ин.4:42](#)).

Пришедший спасти мир весь, а не отдельных только лиц, в их атомистическом разобщении, Христос открывается лишь там, где двое или трое собраны во имя Его ([Мф.18:20](#)), то есть, в обществе верующих, образующих духовное тело Его, которое есть Церковь ([Кол.1:24](#)), возглавляемая Самим Господом (ст. 18). Следовательно, последняя представляет собой не случайное установление, а является необходимым условием человеческого спасения. Поэтому

время создания Церкви должно быть названо торжественным часом нашего спасения. Сам — воплощение бесконечной любви, Христос больше, чем кто-либо другой, ждал наступления того момента, когда на свете найдется хотя немного последователей Его, с требуемой для этого великого дела зрелостью веры; и когда, на предложенный Своим ученикам вопрос: *вы за кого Меня почитаете?* ([Мф.16:15](#)) получил от выражавшего их исповедание апостола Петра ясный и точный ответ: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго*, тогда только Он произнес знаменательные слова: *и Я говорю тебе: ты — [Петр](#), и на сем камне Я созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ея* ([Мф.16:16, 18](#)). Итак, Евангелие приводит нас ко Христу, а Христос открывается в Своей Церкви. Следовательно, ищущие спасения должны обращаться за ним в Церковь. Справедливость сказанного достаточно подтверждается многочисленными примерами церковной истории. Из книги Деяний мы знаем, что к ослепленному чудесным видением пред Дамаском гонителю Савлу, Сам Господь ([Деян.9:11](#)) послал члена дамаской Церкви Ананию, который и приобщил к ней св. крещением будущего апостола языков ([Деян.9:18](#)): Церковь просветила его, Церковь ввела его в благодатное общение с Христом, она же и послала его на проповедь ([Деян.13:1-3](#)). Как апостол Церкви, первоверховный Петр произнес свою вдохновенную речь в день пятидесятницы ([Деян.2:14-36](#)) и, вероятно, вместе с *одиннадцатью*, крестил около трех тысяч душ ([Деян.2:41](#)). Только под церковной сенью процветали высокая жизнь и щедрая благотворительность первенствующих христиан ([Деян.2:44-47](#)). Как церковный благовестник, диакон Филипп обратил в христианство эфиопского евнуха и крестил его ([Деян.8:26-40](#)). Как апостолы Церкви, Павел и Сила крестили темничного стража в Филиппах ([Деян.16:25-34](#)). Из всех, существующих на земле установлений, только один *дом Божий, который есть Церковь Бога живаго*, апостол Павел называет *столпом и утверждением истины* ([1Тим.3:15](#)). «Подобно тому, как в море находятся обитаемые, изобилующие здоровой водою и плодоносные острова, имеющие пристани и гавани, чтобы в них находили пристанище обуреваемые, — пишет св. Феофил, еп. Антиохийский († 181 г.), — так Бог даровал волнуемому и обуреваемому прегрешениями миру синагоги, т. е., святые церкви, в которых, как в благоустроенных пристанях на островах, сохраняются учения истины: к ним прибегают хотящие спастись» («К Автолику», кн. 2, п. 4). «Не требуется искать у других истину, которую легко заимствовать от Церкви, — читаем у св. Иринея, еписк. Лионского († 202 г.), — ибо апостолы, как богач в сокровищницу, совершенной полностью положили в нее все, что принадлежит истине, так что каждый, кто бы ни пожелал, получает от нее питье жизни, ибо она есть дверь жизни» («Против ересей», кн. III, гл. 4, § 1). «Где Церковь, там и Дух Божий, и где Дух Божий, там Церковь и всякая благодать» (там же, гл. 24, § 1). По словам знаменитого христианского апологета Тертуллиана († ок. 220 г.), «еретики не должны допускаться к состязаниям от писаний, потому что для них писание совершенно чуждо. Ибо, если они — еретики, то не могут быть христианами, не получив от Христа того, что самовластно присвоили себе, как еретики. Таким образом, — не христиане, они не имеют никакого права пользоваться христианскими книгами: им справедливо можно сказать: кто вы? когда и откуда пришли? Что делаете вы у меня, не будучи моими? Ты, Маркион, по какому праву рубишь мой лес? С чьего позволения, Валентин, ты отводишь в сторону мои источники? Какой властью ты, Апеллес, передвигаешь мои границы? И вы, остальные, по какому праву сеете здесь и снете посеянное? Это мое владение: я владею издавна, имея на то неоспоримое право от устроителей его, которым принадлежало оно. Я, наследница апостолов, пользуюсь своей собственностью, согласно с их завещаниями и с обязавшею меня присягой» («О притязаниях еретиков», гл. 37). Славный поборник церковного единения, священномученик Киприан, епископ Карфагенский († 258), кратко и выразительно пишет о Церкви: «из нея мы рождаемся, ея молоком питаемся, ея духом оживляемся» («О единстве Церкви»).

Мы привели многочисленные выдержки из церковных писателей, число которых можно было бы значительно увеличить еще и другими, привели для того, чтобы, основываясь на фактических данных, с полным правом утвердить то несомненное положение, что *только* Церковь служит орудием нашего спасения. Другими словами: вне Церкви нет спасения. Не можем не высказать крайнего сожаления по поводу тяжелых недоразумений, происходящих из досадного непонимания некоторыми «ревнителями» веры последнего выражения. Не в том его предмет: кто спасется, а в следующем: *где, именно, нужно искать спасения?* И на этот существенный вопрос Церковь дает ясный ответ: спасение у меня! Так и отвечают все, как вышеприведенные, так и неупомянутые церковные писатели, свв. отцы и учителя Церкви. Кто хотя мало занимался церковной историей, тот, как следует, оценит величайшую важность их ясных твердых и неподкупно-честных свидетельств; тот согласится с тем, что ими выражается общецерковное, католическое сознание, игнорировать которое мы не имеем решительно никакого нравственного права, а *должны* считаться с ним, точно взвесить его, и руководиться им в страшном погроме своей религиозной жизни. Подобно тому, как истинно-русский гражданин не должен легкомысленно относиться, например, к древним летописям, выражающим наше национальное и государственное самосознание, рискуя, в противном случае, осудить себя на полное непонимание исторических судеб и великого предназначения России, так и православный христианин, если только он дорожит своим церковным первородством и не хочет променять его на «чечевичную похлебку», должен с напряженным вниманием отнестись к голосу древних свидетелей и серьезно подумать о величайшем значении Церкви в деле нашего спасения. Ни злобе, ни шуткам, ни легкомыслию и ничему такому здесь не место. О серьезном и думать и говорить будем серьезно.

Ни для кого не секрет, что в своем эмпирическом проявлении Церковь представляет довольно много недостатков и пороков. Это прискорбно и, вместе, неизбежно: где человек, там и его несовершенства. Но какими бы ни были эти последние, сколько пороков ни гнезилось бы в нас, грешных людях, будем помнить, что, по словам Спасителя, Он *пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию* ([Мф.9:13](#)); не будем извращать действительность: и в апостольской церкви находились грешники ([2Кор.7:11-15](#); [Гал.3:1-3](#); [2Тим.2:17](#) и др.), следовательно, мы, даже, по суду истории, неправы, ссылаясь в оправдание своего небрежения к Церкви на поразительное несоответствие современной действительности с той, какая наблюдается в первенствующей Церкви. Спаситель прежде и лучше нас все это провидел и обо всем позаботился: в том не может быть ни малейшего сомнения! И если Он, несмотря на все это, обетовал: *созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей* ([Мф.16:18](#)), то, надо полагать, Его обетование истинно и непреложно. А если так, то ходячие опасения насчет Церкви совершенно напрасны. Позаботимся-ка лучше о себе самих, проникнемся более глубоким убеждением в том, что каждый из нас нравственно обязан внести свой труд и лепту в церковную сокровищницу, каждый должен потрудиться над возрождением своего лучшего «я» и смиренно просить молитв и других благодатных средств у Церкви, столь необходимых нам для нашего спасения и всецелого обновления.

Заклучим свои посильные соображения словами литургийной молитвы о том, чтобы Господь «помянул святую Церковь и умирил ее, чтобы оружием истины и благоволения венчал нашего Государя Императора, чтобы помянул всякое начало и власть, чтобы благих соблюл в благости и лукавых сотворил благими, чтобы супружества соблюл в мире и единомыслии: младенцев воспитал, юность наставил, старость поддержал, малодушных утешил, расточенных собрал, прельщенных обратил и всех их совокупил в Своей соборной и апостольской Церкви» (Лит. св. Василия Вел.).